

Нумизматический комплекс из тюркского кургана Шорон Бумбагар*

В.В. Горбунов, В.В. Серов

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Numismatic Complex of Turk Tomb at Shoroon Bumbagar

V.V. Gorbunov, V.V. Serov

Altai State University (Barnaul, Russia)

Рассматривается нумизматический материал, обнаруженный в элитном погребальном памятнике тюркской культуры на территории Центральной Азии, — кургане Шорон Бумбагар. Определяется специальная терминология, применяемая к находкам такого рода: монета, монетное подражание, монетная индикация. Атрибуция нумизматического комплекса позволяет выделить три группы находок такого рода: «византийская», «сасанидская» и «согдийская». Различие между ними определяется степенью влияния византийского и иранского монетного дела на регион Средней Азии, откуда нумизматические изделия попадали дальше на восток в исконные земли Тюркских каганатов. Хронология этих групп в широком плане охватывает конец VII — первую половину VIII в., а в более узком — вторую половину VII в.

Конкретная ситуация, в результате которой данный нумизматический комплекс оказался в погребении представителя правящей династии тюркских каганов, относится, по-видимому, к 30-м гг. VIII в. На это указывает участие в сооружении памятника китайских мастеров, подтверждаемое письменными источниками, а также соответствующий данному времени облик предметов тюркского происхождения.

Ключевые слова: монета, подражание, индикация, Центральная Азия, тюрки, Византия, Сасаниды, Средняя Азия, Согд, кросс-культурные отношения.

DOI 10.14258/izvasu(2015)4.1-10

В 2011 г. монгольскими и казахскими археологами был раскопан редкий по своей сохранности памятник — курган Шорон Бумбагар в Центральной Монголии (Булганский аймак, Баяннуур сомон), в ко-

The article considers the investigation of numismatic materials, which were excavated in the burial-mound of a Turk royal family member in Mongolia. The study of the items required a more accurate definition of the special terms used for the findings of such a kind: a coin, a coin imitation, and a coin indication. The attribution of the numismatic complex allow dividing it in three parts; each of them contains the maximum of similar “national” signs: the Byzantine, the Sassanid, and the Sogdian ones. Differences between them are determined by the influence of the early Byzantine and Sassanian mintages on the cultural traditions of Central Asian region, from which the numismatic goods went to east to the lands of the Turkic Khaganats. Chronologically all these parts of the complex embrace the period from the VIIth to early VIIIth century AD. However, numismatic complex itself is likely to have got into the tomb in the 30-s of the VIIIth century. It is indicated by the participation of the Chinese workers in the construction of the monument, which is proved by written sources and corresponding to the indicated time period appearance of the items.

Key words: coin, coin imitation, coin indication, Central Asia, early Turks, Byzantium, Sassanian Iran, cross-cultural contacts.

тором исследователи видят захоронение представителя правящей династии тюркских каганов [1, тал.¹ 8; 2, тал. 10]. Здесь на специально огороженной прямоугольным валом и рвом площадке располагалась

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Этнокультурные процессы на юге Западной Сибири в раннем средневековье», № 14-01-00463а.

¹ Переводится с монгольского языка как страница.

округлая земляная насыпь. Под ее южную полу заходил длинный дромос, ведущий к погребальному склепу, с двумя боковыми нишами перед ним. Стены подземного коридора и склепа покрывала монументальная живопись, в нишах стояли терракотовые фигуры людей и домашних животных. Вход в основную камеру охраняли два хищника и два стражника, в ней находился трапециевидный деревянный ящик с маленьким ящиком внутри, решетчатый помост и множество различных предметов. Это деревянные фигуры людей и животных, терракотовые фигуры лошадей (две из них в бронированных пополах), узорчатые ткани, украшения и гарнитура от костюма человека, посуда, миниатюрное снаряжение верхового коня, монетовидные изделия и другие вещи [2, тал. 17–51].

В памятнике Шорон Бумбагар ярко выражен культурный синкретизм. Его архитектура, живопись, скульптура явно выполнены китайскими мастерами, большинство предметов из золота, серебра и бронзы (сосуд, серьги, браслеты, колокольчики, пряжки, наконечники ремней, тренчики, бляхи-накладки, псалии, стремена) характерны для тюркского комплекса, тогда как нумизматический материал отражает более западные связи. Об этом явлении и пойдет речь в настоящей статье.

Согласно общей информации нумизматический комплекс из Шорон Бумбагар представлен 37 золотыми и 4 серебряными монетовидными предметами [2, тал. 50]. Следует заметить, что описания серебряных вещей в опубликованном каталоге нет [2, тал. 183–196], в силу чего анализу подвергнута лишь «золотая» часть нумизматической коллекции.

Принадлежность к сфере нумизматики предметов, условно названных нами монетовидными, определяется традицией атрибуции, сложившейся в рамках вспомогательных научных дисциплин, в частности, практикой использования применительно к таким предметам специальной терминологии.

Так, наиболее употребительными в публикациях об аналогичных находках являются термины «брактеат» и «индикация», которые предполагают прямое отношение соответствующих находок к нумизматическому материалу. Однако следует заметить, что общепризнанного порядка словоупотребления в отношении монетовидных предметов в науке не сложилось, в связи с чем представляется необходимым уточнить значение терминов, используемых здесь. Собственно, уточнения требует лишь понятие «монетная индикация», поскольку понятие «брактеат», на наш взгляд, не может быть использовано для обозначения не монет в собственном смысле этого слова, раз уж брактеатами называется особый монетный тип, распространенный в Западной Европе в начале эпохи классического Средневековья [3, с. 28–29]. Тонкие металлические пластины округлой формы с изображением, называемые иногда брактеатами из-за внешнего сходства

с таковыми [4; 5], правильнее было бы именовать монетными индикациями — с точки зрения цели их изготовления.

Впрочем, «индикацию» тоже трудно признать наиболее удачным термином для обозначения рассматриваемых предметов, так как он более употребителен в естественных науках, а с нумизматикой его весьма опосредованно связывает лишь семантический ряд, восходящий к древнеримской практике донесения о краже вещей, имеющих определенную стоимость (например, в Дигестах Юстиниана: Dig., 19.1.13; 50.16.197). По-видимому, ученые, впервые столкнувшиеся с проблемой словесного обозначения вновь открытого специфического предмета из древних погребальных комплексов в виде похожего на монету кусочка фольги, прибегли к уже известным и общеупотребительным нумизматическим терминам (брактеат, имитация, жетон), а также попытались придумать новый (индикация), основываясь на технологии изготовления таких предметов и обратившись для этого к универсальной латыни (*indication* — указание, название, отражение). Поскольку самыми древними в Евразии считаются индикации из боспорских погребений [6, с. 81], то логично не только воспользоваться термином «индикация», уже достаточно прочно укоренившимся в научном обороте, но и применять его для обозначения конкретных предметов, входящих в состав погребального комплекса независимо от места и времени его составления, даже на то, что далеко не все исследователи античного Боспора используют этот термин при описании погребального инвентаря [7, с. 8–9].

Таким образом, необходимость в наиболее корректном описании ряда находок из погребального комплекса Шорон Бумбагар детерминирует употребление строго определенных нумизматических терминов, как то: монета, подражание монете (не имитация!) [8, с. 293, прим. 7] и монетная индикация.

Целью настоящей работы и является, кроме ознакомления более широкого круга потенциально заинтересованных специалистов с феноменом описываемого комплекса, в первую очередь атрибуция (насколько это возможно при отсутствии непосредственного доступа к самим артефактам) нумизматических предметов с указанием хронологических и географических маркеров для дальнейшего комплексного анализа этого уникального захоронения.

По составу рассматриваемый нумизматический комплекс включает в себя три основные группы предметов, формально отделяемые одна от другой наличием явных признаков влияния византийского или иранского монетного дела. Влияние это прослеживается в различной степени у разных типов предметов (монет, подражаний и индикаций), обнаруживая по мере отдаления от оригинальных образцов,

выступивших прототипами для подражаний и индикаций, все более значительные уступки среднеазиатскому культурному воздействию, прежде всего по части изобразительной стилистики. Данный феномен — весьма тесных экономических, культурных и политических отношений государственных образований Средней Азии с Византией, Ираном и Тюркскими каганатами — неплохо изучен [9, с. 56; 10; 11; 12, с. 199–200; 13; 14].

Наконец, еще одну группу составляют монетовидные предметы без явных византийских или иранских признаков, как с изображением, так и без такового. К их числу нами отнесены и совершенно деградированные индикации, не поддающиеся надежной атрибуции. В монгольском издании опубликовано шесть таких экземпляров под № ХХМ2012.5.130, 132, 156, 149, 248, 251 [2, тал. 188, 195–196]. Еще три кусочка золотой фольги без изображения, размером и формой напоминающих примитивные монеты, несут на своей поверхности оттиск, похожий на отпеча-

ток грубой ткани № ХХМ2012.5.145, 150, 151) [2, тал. 191, 194–195].

«Византийская» группа. Перейдем к группе предметов, имеющих явно выраженные византийские корни или даже происхождение. Таковых насчитывается 14 экземпляров. Посреди достаточно скудного их типового разнообразия выделяется единственная подлинная монета — солид Ираклия и Ираклия Константина (рис. 1, 1) с № ХХМ2012.5.142 [2, тал. 189–190], описанный в нумизматических каталогах [15, с. 651–652, табл. 47, 132]. Монеты данного типа чеканились в Константинополе с 613 г. и имели весьма широкое хождение в Азии. В нашем случае византийская монета достигла Центральной Азии, по пути превратившись, после припайки к ней ушка, в украшение.

Следующие два экземпляра группы относятся к подражаниям византийским монетам, сделанным, если судить по стилистическим особенностям, в разное время и, вероятно, в разных местах «варварско-

Рис. 1. Изделия «византийской» группы из Шорон Бумбагар (по: [1, тал. 30; 2, тал. 189–190, 193, зур.¹ 54–55]): 1 — солид Ираклия и Ираклия Константина, тип 613 г.; 2 — подражание солиду Фоки (602–610 гг.); 3 — подражание солиду Ираклия и Ираклия Константина, тип 613 г.; 4–5 — индикации аверсов с подражаний солидовому типу 613 г.; 6 — индикация реверса с подражания византийским солидам конца VI — первой половины VIII в.

¹ В переводе с монгольского языка — рисунок.

го» мира. Подражание солиду Фоки (602–610 гг.) имеет по каталогу № ХХМ2012.5.143А [1, тал. 30; 2, тал. 190–191, зур. 54]. Оно отличается от оригинального прототипа обычными в подобных случаях свойствами — меньшим весом, выступающим за пределы ремедиума, грубыми чертами портрета, а также неверной передачей сугубо «римских» деталей изображения вроде креста, складок военного плаща, диадемы и латинских букв легенды (рис. 1, 2).

Подражание солиду Ираклия и Ираклия Константина № ХХМ2012.5.240 [2, тал. 193] близко по изображению к оригиналу — разновидности вышеупомянутого типа 613 г. Однако признаки монетного подражания у него налицо: уменьшенный на целый грамм вес, легенда из нечитаемых латиницеподобных символов, неправильная форма кружка (рис. 1, 3). Такое подражание (как, впрочем, и предыдущее) могло появиться в непосредственной близости от Византии или в местах вдоль маршрутов ее интенсивной внешней торговли ненамного позднее времени начала обращения оригинальных монет названного типа, т. е. после 613 г.

«Византийские» индикации представлены двумя разновидностями. Первая объединяет 10 экземпляров под №№ ХХМ2012.5.126, 133, 136, 141, 148, 153, 154, 155, 236, 270. Это оттиски на золотой фольге изображения лицевой стороны некоего подражания солидовому типу 613 г., весьма далекого от любого оригинала из известных разновидностей этого типа [1, тал. 29, 33; 2, тал. 186–187, 190, 192–194]. Возможно также, что оттиск производился не с монетного подражания, а со специально изготовленной для этой цели матрицы, изображение которой имитировало основную тему лицевой стороны наиболее распространенного на евразийских просторах в 10–40-е гг. VII в. монетного типа. Основанием предполагать это служит отсутствие многих деталей монетного изображения на индикации (некоторых инсигний, легенды), а также зеркальное по сравнению с оригинальным расположение «императора» и его «сына» — последний оказался помещенным справа от первого (рис. 1, 4–5). Некоторые экземпляры сильно деградированы, так что изображение на них едва просматривается. На оборотной стороне двух индикаций припаяны или прилипли золотые пластинки округлой формы, меньшие по диаметру и не соответствующие по изображению лицевой стороне [2, зур. 55–56].

Вторая разновидность «византийских» индикаций представлена единственным экземпляром под № ХХМ2012.5.144 [1, тал. 31; 2, тал. 189]. Он воспроизводит оборотную сторону византийской монеты с изображением креста на «голке» в обрамлении символов, представляющих собой нечто среднее между буквами латинского алфавита и фрагментами рунических знаков (рис. 1, 6). Судя по оформлению, эта индикация тоже весьма далека от оригинальных изобра-

жений реверсов солидов конца VI — первой половины VIII в., которые она обобщенно имитирует.

В целом, особенности индикаций «византийской» группы дают возможность отнести предполагаемое время их изготовления по меньшей мере к середине — второй половине VII в.

«Сасанидская» группа. Следующая группа нумизматических предметов отмечена влиянием традиций монетного дела Сасанидского Ирана. В ней имеется девять индикаций под № ХХМ2012.5.119, 120, 121, 128, 134, 135, 146, 147, 152 [2, тал. 183, 184, 188, 190, 191, 194] с рельефным изображением, восходящим по духу к изображению оборотной стороны сасанидских драхм, правда, почти полностью обезличенному промежуточными заимствованиями, которые предшествовали рассматриваемому образцу. В результате последовательных трансформаций экстерьера монетных подражаний, а затем индикаций получилась пара образцов (рис. 2, 1–2), в которых с большим трудом угадываются элементы художественного стиля оригинальных паттернов (рис. 2, 3–5). Следует отметить, что прототипами форм, с которых изготавливались эти индикации, могли выступать как выпуски подражаний сасанидским драхмам в государствах Средней Азии, например в Тохаристане (рис. 2, 6), так и золотые и серебряные монеты собственно Персии, в которой развитие монетного дела в первой половине VII в. шло по пути упрощения и схематизации элементов традиционного художественного оформления монет (рис. 2, 4–5).

«Согдийская» группа. Предметы третьей группы обладают тесным родством с художественными традициями раннесредневекового Согда. Рассмотрим наиболее характерные их примеры.

На индикации, которой по каталогу присвоен № ХХМ2012.5.279 [2, с. 191–192], оттиснут портрет, обладающий очевидным сходством с согдийскими правителями: об этом свидетельствуют черты лица, признаки власти (головной убор, серьга и гривна), а также рунические символы слева от портрета (рис. 3, 1). Единственный не вполне обычный в этом изображении элемент — христианский крест в поле слева, однако вопрос о помещении в VII в. изображений креста на согдийских монетах и других среднеазиатских объектах ремесла и искусства получил в специальной историографии вполне удовлетворительное разрешение [12, с. 199–200], и в нашем случае его наличие оказывается не смущающим обстоятельством, а полезным атрибутирующим свойством. При этом следует признать, что отсутствие явных следов подражания византийским и иранским нумизматическим паттернам не отрицает некоторых заимствований из художественной практики Сасанидского Ирана или ранней Византии, оказывавших в свое время сильное влияние на развитие политических образований Средней Азии. В данном слу-

Рис. 2. Изделия «сасанидской» группы и их прототипы: 1–2 — индикации из Шорон Бумбагар (по: [2, тал. 183–184, зур. 54–55]); 3 — драхма Хосрова II (591–628 гг.); 4 — реверс драхмы иранской правительницы Буран (630–631 гг.); 5 — реверс драхмы Йездигерда III (632–651 гг.); 6 — реверс подражания сасанидской драхме из Тохаристана, конец VI — первая половина VII в.

чае это не только крест, но и ободок византийского типа по краю индикации.

Другой пример преимущественно среднеазиатского оформления предметов из Шорон Бумбагара — индикация с № ХХМ2012.5.131 [2, тал. 187], к сожалению, утратившая некоторые черты изображения из-за какого-то физического воздействия. Тем не менее даже на имеющемся в нашем распоряжении не очень качественном фото этого предмета просматривается погрудный портрет с отчетливыми среднеазиатскими чертами лица, характерными инсигниями в виде серьги и деталей тронной одежды. Похожие портреты известны из нумизматики Согда (рис. 3, 4).

Индикации другой серии этой группы насчитывают четыре одинаковых экземпляра с № ХХМ2012.5.122, 123, 124, 127 [2, тал. 184–186]. Они изображают мужской портрет с бородой в профиль (рис. 3, 3). Их происхождение можно опосредованно связать с портретным типом иранских шахов на аверсах сасанидских драхм (рис. 2, 3). Впрочем, здесь нельзя не заметить гораздо большее сходство с аверсами некоторых среднеазиатских монет (рис. 3, 7) и вообще с соответствующими образцами художественного творчества

Средней Азии (рис. 3, 8) [16; 17]. Имеются и элементы заимствования из Византии: рудименты легенды вокруг портрета, развевающиеся за головой персонажа концы ленты диадемы и, возможно, монетный ободок. Вероятно, прежде чем попасть в могилу к знатному тюрку, изобразительные элементы индикаций претерпели длительную эволюцию, завершив ее на территории Согда.

Последним предметом, который можно отнести к данной группе, является монетное подражание под № ХХМ2012.5.143Б [1, тал. 30; 2, тал. 190–191, зур. 55]. На его лицевой стороне в общих чертах композиции едва заметно прослеживается влияние римско-византийской традиции, что, впрочем, может быть легко оспорено сторонниками большей зависимости данного изображения от среднеазиатской художественной традиции (рис. 3, 2). И действительно, сравнение этого экземпляра с монетами VI–VII вв. из Средней Азии обнаруживает значительное его сходство с целым рядом портретов политических персонажей (рис. 3, 5–6). Необычно выглядят лишь зубчатая корона, не встречающаяся на монетах ранней Византии и раннесредневековой Средней Азии, а так-

Рис. 3. Изделия «согдийской» группы и их прототипы: 1–3 — монетное подражание (2) и индикации (1, 3) из Шорон Бумбагар (по: [2, тал. 186, 191–192, зур. 55]); 4 — монета Чача, не ранее VII в.; 5 — монета Уструшаны, VI–VII вв. (по: [9, с. 326]); 6 — монета Чача, VII в.; 7 — монета Бухарского Согда (по: [16, табл. 119, № 5]); 8 — фрагмент украшения на ручке согдийского серебряного сосуда (по: [17, с. 93, рис. 23]).

же «бармы» тронного одеяния правителя, неизвестные монетному делу той эпохи. Своей оборотной стороной данный предмет явно подражает византийским прототипам, так как на нем помещено изображение креста на «голгофе», характерное для ряда византийских монет, чеканенных после 578 г. Наличие в основании креста диска и двух звезд по бокам от него в поле (рис. 3, 2) позволяет поднять эту дату до времени правления императора Ираклия (610–641 гг.) [15, с. 625, № 6, с. 655, № 147; 18, pl. 18, 318, 19, 330].

Подводя итог нашему предварительному исследованию, необходимо сформулировать ряд наиболее очевидных выводов.

Во-первых, хронологические рамки нумизматического комплекса из Шорон Бумбагара достаточно широки и охватывают целую эпоху с конца VI по середину VIII в. Однако нижняя граница всего комплекса надежно ограничивается византийским солидом типа

613 г. Основная же масса подражаний и монетных индикаций, видимо, сделана не ранее 30–40-х гг. VII в., а скорее всего, во второй половине этого столетия.

Во-вторых, местом изготовления большей части предметов рассматриваемого комплекса, включая индикации с византийских и сасанидских монет, была Средняя Азия, конкретно — города-государства Восточного Согда. Это лишний раз свидетельствует в пользу активного участия среднеазиатского региона в международных кросс-культурных связях, крайними звеньями которых на западе была Византийская империя, а на востоке — Тюркские каганаты.

В-третьих, датировка нумизматических материалов лишь ориентировочно указывает на время сооружения кургана Шорон Бумбагар. Имеющиеся здесь другие вещи, относящиеся к собственно тюркскому предметному комплексу, по своему оформлению больше характерны для VIII в. Видимо, данный курган

был сооружен в период Второго Восточно-тюркского каганата (682–744 гг.). Именно в это время распространилась практика присылки китайских посольских миссий, включавших в свой состав мастеров для сооружения памятников тюркским каганам и членам правящей династии Ашина. Такие делегации направлялись в 732 и 735 гг. для участия в похоронах Кюль-тегина и Бильге-кагана [19, с. 48–49, 64, 66]. Китайский источник особо отмечает, что прежде ничего подобного в тюркском государстве не было [20, с. 277]. До недавнего времени были известны только поминальные памятники Кюль-тегина и Бильге-кагана, в создании которых принимали участие китайские мастера. Исследование кургана Шорон Бумбагар указывает на их участие и в сооружении погребальных объектов тюркских правителей. В церемонии похорон и поминок тюркского правителя участвовали посланники не только империи Тан, но и других государств.

Так, надпись в честь упомянутого Кюль-тегина сообщает о прибытии посланцев от народов, живших на западе: согдийцев, персов и жителей Бухары [19, с. 48–49; 21, с. 43]. Вполне вероятно, что часть монет и индикаций, найденных в Шорон Бумбагаре, является дарами таких посольств. Значительное количество подобных изделий восточные тюрки могли получать в качестве подарков, дани и добычи и раньше. Наглядным примером тому служит поход 711/712 г. «с целью обустроить согдийский народ» [21, с. 41]. Независимо от времени попадания к тюркам — а процесс аккумуляции подобных вещей среди сокровищ династии мог быть продолжительным — рассмотренный нумизматический комплекс наглядно демонстрирует весьма тесные международные связи, которые соединяли в раннем Средневековье обширные просторы от берегов Босфора до предгорий Хангая.

Библиографический список

1. Очир А., Эрдэнэболд Л. Нуудэлчдийн урлагийн галерей тусгай уэзэгсэлэнд зориулсан каталоги. — Улаанбаатар, 2012.
2. Очир А., Эрдэнэболд Л., Харжаубай С., Жантегин Х. Эртний нуудэлчдийн бунхант булшны малтлага судалгаа. — Улаанбаатар, 2013.
3. Зварич В.В. Нумизматический словарь. — Львов, 1979.
4. Кляшторный С., Савинов Д., Шкода В. Золотой брактат из Монголии. Византийский мотив в центральноазиатской торевтике // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии. — 1990. — Вып. 16.
5. Кротокин В.В. Клады византийских монет на территории СССР. — М., 1962.
6. Казаменова Л.Н. Введение в античную нумизматику. — М., 1969.
7. Шаров О.В. Боспор и варварский мир Центральной и Восточной Европы в познеримскую эпоху (середина II — середина IV вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — СПб., 2009.
8. Голенко К.В. Имитации солида VII в. из Поднепровья // Византийский временник. — 1956. — Т. 11.
9. Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. — М., 1981.
10. Ставиский Б.Я. О международных связях Средней Азии в V — середине VIII в. // Проблемы востоковедения. — 1960. — № 5.
11. Козенкова В.И. Новый источник для изучения связей Византии и Средней Азии // Советская археология. — 1967. — № 1.
12. Шкода В.Г. Подражание византийской монете из Пенджикента // Византийский временник. — 1983. — Т. 44.
13. Гойибов Б.С. О некоторых особенностях конфедерации раннесредневекового Согда // Молодой ученый. — 2014. — № 3.
14. Мокрынин В.П. К вопросу о тюрко-согдийской интеграции в VI–VIII вв. [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.centrasia.ru/news2.php?st=1383925260>.
15. Толстой И.И. Византийские монеты. — Вып. VI. — СПб., 1914.
16. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху Средневековья. Средняя Азия в раннем Средневековье. — М., 1999 (Археология СССР).
17. Маршак Б.М. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. — М., 1971.
18. Grierson Ph. Byzantine Coins. — L. ; Los Angeles, 1982.
19. Тугушева Л.Ю. Тюркские рунические письменные памятники из Монголии. — М., 2008.
20. Бичурин Н.Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М. ; Л., 1950. — Т. I.
21. Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М. ; Л., 1951.